

Мягкий vs. твердый и мягкий vs. жесткий

(2 модели употребления прилагательного *мягкий*)

Н.Ф.Спиридонова

nina@s43.msk.su

1. Доклад посвящен проблеме анализа и описания семантики многозначного слова. Объектом нашего рассмотрения будет русское прилагательное *мягкий*, которому в словаре МАС сопоставлено 7 значений. Мы попытаемся показать, что семантическую структуру этого слова можно представить всего двумя базовыми моделями, из которых путем семантической деривации образуются другие переносные значения.
2. Известно, что вплоть до последнего времени известной задачей семантики было описание синонимического ряда с фиксацией семантических противопоставлений между его членами. Т.е. лексическая семантика сводилась по существу к установлению связей внутри того или иного семантического поля, а значит, внешних по отношению к самому слову, как единице этого поля.

При таком подходе разные значения одного слова часто попадают в разные синонимические ряды, последние при этом никак не связаны между собой. Таким образом, проблемы полисемии как бы не существует, ее старательно избегают многие семантические исследования, являющие собой две крайности. Первые, следуя принципу “1 форма – 1 значение”, абсолютизируют моносемию языковых единиц, другими словами, сводят все множество конкретных употреблений слова к единому инварианту и описывают правила его взаимодействия с контекстом. Вторые же, наоборот, стремясь досконально и полно описать семантику лексических единиц, старательно фиксируют все возможные словоупотребления, каждое из которых имеет свою семантику, т.е. порождает новое значение лексемы. Все множество значений задается списком – примерно так выглядит большинство статей в традиционных толковых словарях.

Но инвариант представляет собой в значительной степени абстрактное построение, не имеющее объяснительной силы, поскольку интуитивная связь между ним и контекстными вариантами полностью утрачена. Ведь это общее значение часто настолько удалено от конкретных употреблений слова, что соответствие между ними возможно установить только при помощи сложнейших процедур. С другой стороны, очевидно, что человек не в силах

запомнить весь перечень значений и в каждом конкретном случае обращаться к нему в поисках нужной интерпретации. К тому же в словарях “многие случаи реального применения слова остаются незафиксированными, что способно привести к мысли о невозможности промежуточных значений или употребления слова в таком смысле, который создается совмещением нескольких выделенных значений” (Шмелев 1964:86)[1].

Таким образом, обе модели описания значений не вполне адекватны, потому что оставляют нерешенными вопросы о том, каким образом человек вообще ориентируется во всем многообразии значений данного слова и почему оно представлено всего одной языковой единицей, а не многими – другими словами, никак не затрагивают проблему описания полисемии.

Между тем, полисемия – важнейшее свойство языковых единиц, естественным образом встроенное в язык. Благодаря этому мы можем оперировать конечным числом языковых единиц в бесконечном множестве контекстов. Кроме того, полисемия отражает такое свойство лексического значения как его диффузность – размытость границ, членящих семантическое пространство языка, поскольку контекстное употребление слова может иметь комплексное значение.

Наконец, полисемия позволяет поддерживать семантическое единство слова, поскольку в ее основе лежит не некоторое общее значение, подчиняющее себе все частные, а “определенная связь этих самостоятельных значений друг с другом и их закреплённость за одним и тем же знаком” (Шмелев 1964:83). Таким образом, свойство полисемии позволяет одному слову в языке обозначить целый комплекс связанных смыслов, а значит, обобщенно представить некоторое понятие. Очевидно, явление многозначности не может остаться за пределами семантического анализа лексики[2].

3. Семантическая теория последних лет предлагает некоторый разумный компромисс между списочным и инвариантным подходами к описанию значения. С одной стороны, предполагается наличие инварианта, как некой абстрактной идеи, связанной со словом, с другой стороны, существует и множество контекстных реализаций этого инварианта. Но в отличие от традиционных словарных описаний оно не имеет вид неупорядоченного списка: между всеми употреблениями и значениями слова установлены семантические связи, т.е. все они не случайны и не произвольны, каждое из значений может породить одно или несколько новых.

В результате образуется *семантическая сеть*, состоящая из неравноправных семантических блоков, связанных между собой семантическими отношениями производности[3] (см. построение семантической сети для описания семантики предлогов в Плунгян, Рахилина 1996). Часто в подобных описаниях используется графическая модель представления семантики – сеть, в узлах которой помещены значения лексемы (или грамлеммы), а стрелки, соединяющие их, наглядно демонстрируют отношения семантической деривации между отдельными значениями.

Таким образом, принципиальным отличием данного подхода от традиционного словарного описания является предельное внимание к семантической целостности слова. Это значит, что мы пытаемся не увеличивать до бесконечности количество значений слова, но разбивать все его употребления на классы, в которых оно имеет одинаковое значение. А затем устанавливаем семантические отношения и связи между полученными классами.

4. Обратимся теперь к материалу прилагательных. Вначале мы рассмотрим оппозицию *мягкий vs. твердый*.

В своем прямом значении прилагательное *твёрдый* описывает объект, подвергающийся деформации и в результате этого воздействия не меняющий своей формы. Типичным примером такого объекта является *твёрдое тело* или *твёрдое вещество* – т.е. сохраняющее свою форму и размер в отличие от жидких и газообразных тел. Кроме этого *твёрдыми*, с точки зрения языка, могут быть

названия веществ и материалов - *твёрдый воск, пластилин, картон, твёрдая земля, глина, древесина, резина, твёрдое масло, сыр, мясо*; сюда же относятся *твёрдые сорта топлива, удобрений, пшеницы*;

названия емкостей – *твёрдый футляр, чехол, твёрдая обложка, папка*;

названия покрытий и образований – *твёрдое покрытие, асфальт, эмаль, переплет, скорлупа; твёрдая шишка, мозоль, опухоль*.

названия некоторых приспособлений – *твёрдый карандаш*;

Нужно отметить, что каждый из перечисленных объектов предполагает свое использование: из пластилина мы лепим, масло пытаемся намазать, книгу в обложке открываем и тем самым сгибаем переплет, землю копаем, карандашом пишем и таким образом деформируем его грифель, по покрытию ходим, макароны из пшеницы развариваем и т.п. Получается, что в каждом из рассмотренных случаев мы так или иначе воздействуем на объект, а он “оказывает сопротивление” и не меняет своей формы. Таким образом, признак ‘постоянство формы’ приобретает важность для объектов данного типа с точки зрения их использования. Другими словами, существует такой же предмет (земля, обложка), но в другом виде (в другом агрегатном состоянии), и функционировать он будет по-другому.

Сдвиг значения получается в результате метафорического переноса, т.е. переноса наименования с одного объекта на другой по принципу аналогии. В более широком понимании метафора есть не что иное, как изменение категориальной принадлежности слова (о метафоре как о категориальном сдвиге см. Падучева 1999, ср. также определение метафоры как категориальной ошибки в Арутюнова 1979). Таким образом прилагательное *твёрдый* приписывается объектам совершенно другой природы: *твёрдый характер, цены, слово, принципы, знания* и др. Что в этом случае обозначает прилагательное? Согласно МАС, каждое из этих употреблений имеет свое отдельное значение. Так, *твёрдый характер* – ‘сильный, решительный, непреклонный’; *твёрдое решение* – ‘такой, от которого не отступают, которому не изменяют’; *твёрдые цены* – ‘установленный и не подлежащий произвольным изменениям’; *твёрдые знания* – ‘ясный, отчетливый, безошибочный’ и т.д.

Приведенные толкования носят описательный характер (описывают некоторую денотативную ситуацию) и не содержат того существенного семантического компонента, на основе которого они могут быть объединены. При этом очевидно, что все эти употребления связаны той общей схемой, которая соответствует прямому значению:

человек воздействует на объект некоторым способом,

объект не отвечает на деформацию.

В переносном употреблении тип воздействия и деформации будет иным, но распределение ролей сохранится, и *твёрдый* будет характеризовать именно объект воздействия. Действительно, приняв *твёрдое решение*, мы не изменим ему, сколь бы ни вынуждали к тому обстоятельства, человек с *твёрдым характером* ни при каких условиях не изменит себе, *твёрдые знания* – знания уверенные, а не просто “безошибочные”, они смогут “устоять” перед любым каверзным вопросом.

Мы рассмотрели далеко не все возможные случаи, но для нас и не важен учет всех примеров. Значительно более существенной является ясная стратегия понимания каждого случая. Поэтому, давая семантическую интерпретацию любому переносному употреблению, мы будем следовать приведенной выше схеме толкования прямого значения. Ср. следующие примеры из “Театрального романа” Булгакова:

И вот тут подозрения мои перешли, наконец, в *твердую уверенность* (= ‘ничем не поколебимую’).

Ясным, *твердым*, звучным *голосом* я сообщил, что и завтракал, и обедал, и отказался в категорической форме от нарзана и клюквы (= ‘не дрожащим’).

Антонимом к *твердый* является прилагательное *мягкий*, которое в прямом употреблении описывает объект, изменяющий форму под внешним воздействием: *мягкий пластилин, картон, мягкая земля, древесина, мягкое мясо, мягкая обложка, карандаш, мягкий асфальт, покрытие*. В переносном значении *мягкий* будет означать ‘поддающийся влиянию’: *мягкий характер, человек*. Действительно, мягкий человек легко меняет свое мнение и убеждение под чьим-то влиянием, и в этом случае *мягкий* (как и антонимичное ему *твердый*) характеризует лицо как объект воздействия.

5. Оппозиция *мягкий* vs. *жесткий*.

Обратимся теперь к прилагательному *жесткий* и рассмотрим примеры его употреблений (*жесткие волосы, жесткая обувь, жесткий диван*). В МАСе это слово в первом значении толкуется как ‘твердый, крепкий, плотный на ощупь’. Между тем, далеко не все примеры сочетаемости с *твердый* употребимы с прилагательным *жесткий*, а если и допустимы, то в совершенно ином значении, ср.: *твердый/?жесткий пластилин, твердая/*жесткая скорлупа, твердый/?жесткий карандаш, твердый/*жесткий сыр*; а также разницу в значениях сочетаний *твердая земля – жесткая земля, твердое мясо – жесткое мясо* (к ней мы вернемся ниже). По-видимому, семантика этих прилагательных все же различна, и мы постараемся показать эту разницу, опираясь на их сочетаемость.

Прилагательное *жесткий* сочетается с названиями покровов и поверхностей – *жесткая земля, листья, жесткая борода, щетина*;

с названиями предметов мебели и покрытий – *жесткий диван, кресло, ковер, пол, сидение*;

с названиями некоторых материалов и изделий из них – *жесткая проволока, пружина, жесткий стержень, грифель, перо*.

Все эти случаи интерпретируются по одной модели - определяемые объекты в основном сохраняют свою исходную форму и, следовательно, вынуждают человека к ней приспосабливаться, другими словами, *оказывают* некоторое *воздействие* или *сопротивление*: жесткая обувь натирает ноги, на жестком матрасе неудобно спать, жесткие волосы просто неприятны на ощупь или плохо укладываются, жестким пером неудобно писать. Жесткие предметы вызывают, таким образом, неприятные ощущения.

Семантика сочетаемости с непредметными именами полностью вытекает из прямого значения: ‘неприятное воздействие объекта на человеческое восприятие’. Прилагательное может сочетаться с названиями продуктов, если они не до конца приготовлены или недозрели: *жесткое мясо, курица, жесткие помидоры, сливы*. В этих примерах

прилагательное описывает воздействие или сопротивление вкусовым органам человека: жесткое мясо трудно разжевать[4].

Похожее воздействие могут испытывать не только вкусовые и осязательные органы человека[5], но и его эмоциональная сфера. Человек вынужден приспосабливаться к *жесткому режиму работы*, к *жесткому графику* или *расписанию*, к *жестким срокам подачи статьи*, к *жесткой дисциплине на рабочем месте*, к требованиям *жесткого руководителя* или начальника с *жестким характером* и т.п.

Антонимичную пару к *жесткий* опять-таки составляет прилагательное *мягкий*, например, человек с *мягким характером*. Оказывается, это словосочетание может быть истолковано не только как 'податливый человек, легко меняющий свою позицию', но и как 'человек, который приятен в общении, который благоприятно действует на своих собеседников'. По-видимому, в этом случае *мягкий объект* не испытывает воздействие со стороны человека, а сам *воздействует* на него. Это воздействие со стороны объекта человек воспринимает при помощи органов чувств. Прототипическим органом восприятия в этом смысле является осязание, т.е. восприятие на ошупь[6], ср. сочетаемость прилагательного с названиями

покровов – *мягкая шерсть, волосы, трава, мох*;

материалов – *мягкая кожа, вата, ткань*;

мебели – *мягкая мебель, кресло, диван*;

различных изделий – *мягкая подушка, перина, одеяло, контактные линзы, обувь* и др.

Во всех этих примерах описывается примерно следующая ситуация: человек приходит в соприкосновение с данным объектом, и тот изменяет свою исходную форму. При этом описываемый предмет деформируется в соответствии с формой частей тела человека: обувь по форме ноги, кресло по форме тела, подушка по форме головы и пр. Поскольку эта деформация происходит легко, практически без сопротивления нажатию (ведь с точки зрения физики любое воздействие силой порождает противодействие), человеку не надо приспосабливаться к этому предмету, и это порождает у него приятные ощущения. Так, мягкая обувь легко деформируется при нажатии, и, изменив свою форму в соответствии с ногой человека, она не давит, не жмет, т.е. оказывает слабое воздействие; мягкие контактные линзы легко приспосабливаются по форме к глазу человека и не воздействуют трением на радужную оболочку; на мягкой перине приятно лежать, потому что она легко принимает форму тела.

Таким образом, во втором своем значении *мягкий* описывает ситуацию двоякого взаимодействия, которая и составляет значение прилагательного:

человек деформирует объект,

объект принимает форму в соответствии с человеческими частями тела

и не оказывает почти никакого воздействия на органы осязания,

поэтому человек испытывает приятные ощущения. Таким образом, прилагательное *мягкий* в данном значении (и антонимичное ему *жесткий*) описывает *субъект воздействия*.

Другие органы чувств по аналогии с осязанием также могут испытывать на себе мягкое воздействие. Например, зрение – *мягкий свет, контуры, тона, линии, оттенки, тени*,

движения (множественное число имени свидетельствует о том, что воспринимается некоторая совокупность оттенков и теней, и именно их сочетание и плавные переходы от одного к другому не раздражает глаз);

слух – *мягкий голос, звук, стук, шелест, шаги*;

органы вкуса – *мягкое мясо, картофель, груши*;

обоняние – *мягкий аромат*.

На осязание человека могут оказывать воздействие не только предметные объекты, но и вещества, ср.: *мягкая вода, мягкое мыло* (смягчают кожу), *мягкий шампунь* (не повреждает волосы), а также природные условия, например, *мягкий климат, мягкая зима, погода*, в которых человек чувствует себя комфортно, поскольку именно такие природные условия наиболее естественны для его жизни (в отличие от *суровой зима* и *сурового мороза*).

Метафорический перенос порождает сферу употреблений прилагательного, связанную с отношением между людьми. Мы уже упоминали сочетание *мягкий человек* и *мягкий характер*, свойства которых воспринимаются эмоциональной и психической сферой человека. В эту же группу попадают имена, описывающие поведение и проявление человеческих эмоций: *мягкое обращение, мягкий взгляд, улыбка, лицо*, а также речь человека – *мягкие слова, выражения, мягкий упрек, приговор, наказание*.

6. Проблемы интерпретации.

Мы уже замечали, что некоторые сочетания с прилагательным *мягкий* (типа *мягкое мясо, мягкий голос, мягкий характер*) встречаются в обеих указанных группах и в связи с этим понимаются по-разному. Так, сочетание *мягкое мясо* может рассматриваться в двух контекстах. В первом из них предмет подвергается воздействию со стороны человека и изменяет свою форму. В этом случае речь идет о куске мяса, из которого можно что-либо готовить, и противопоставлено оно *твердому мясу*, т.е. замороженному. Второе употребление вроде бы описывает похожую ситуацию: предмет деформируют, но при этом человек выступает в роли экспериенцера, т.е. для него *важно*, оказывает ли объект сопротивление или изменяет свою форму легко. В зависимости от этого экспериенцер испытывает приятные (в случае с прилагательным *мягкий*) или неприятные (если объект *жесткий*) ощущения. Поэтому в этом примере *мягкое мясо* значит 'готовое к употреблению', а *жесткое мясо* – 'не до конца приготовленное'. И в том, и в другом случае качество мяса определяется на вкус.

Аналогичное противопоставление наблюдается в парах *мягкая земля – твердая земля* (= та, которую копают) и *мягкая земля – жесткая земля* (= та, на которой сидят или лежат); ср. также *мягкий голос – твердый голос* (= 'уверенный, не дрожащий') и *мягкий голос – жесткий голос*, где эта характеристика касается внешних проявлений голоса (тон, тембр), непосредственно направленных на адресата воздействия. Чем объяснить подобную разницу в значениях?

Существенно, что помимо только что рассмотренной общей сочетаемости, прилагательные *твердый* и *жесткий* характеризуют и совершенно разные объекты (о невозможности их взаимозамены см. выше), и это несовпадение тоже не случайно.

Обратим внимание на то, с какими типами объектов сочетаются эти признаки. *Твердый* характеризует названия веществ, материалов, приспособлений, приписывая им некоторую абстрактную характеристику по форме, в то время

как *жесткий* описывает имена изделий, растительных покровов, продуктов, употребляемых в пищу, т.е. объектов уже более или менее готовых к использованию человеком или непосредственно связанных с ним. Отсюда становится понятным смысловые различия между *твердой землей* и *жесткой землей*: твердость земли мы определяем при помощи каких-либо инструментов, т.е. опосредованно, а жесткую землю непосредственно ощущаем всем телом, ложась или сядя на нее, и в этом смысле ее “недеформируемость” для нас более существенна. Подобное семантическое отношение наблюдается между *твердым характером* и *жестким характером*: в первом примере прилагательное описывает просто качество характера, а во втором то же качество выступает с точки зрения человека – адресата воздействия.

7. Но вернемся к прилагательному *мягкий*. Мы установили, что оно описывает две ситуации, тесно связанные между собой: ситуацию объекта воздействия и ситуацию субъекта воздействия, т.е. в первом случае выступает как пациентный признак, а в другом как агентивный[7].

Для того чтобы убедиться, что предмет действительно обладает некоторым свойством, например, твердостью или прочностью, надо прийти с ним в контакт, привести его в действие, проще говоря, попытаться использовать его. Тогда в процессе своего функционирования объект сможет проявить некоторое свойство. Например, крепкий предмет – это такой предмет, который в процессе использования подвергают интенсивным воздействиям, и при этом он не распадается на куски, остается целым. В частности, орех проявляет свойство крепкости, только когда его пытаются расколоть, т.е. оказывают на него внешнее воздействие.

Именно об этом писал в своей статье “О слове good” З.Вендлер (Vendler 1967). Его идея состояла в том, что прилагательное сочетается с существительным опосредованно, через некоторый внешний по отношению к существительному предикат: “Свойство быть удобным соотносится с вещью через некоторое действие, в котором вещь принимает участие” (Vendler 1967:534).

Но как показала в своей статье Е.В.Рахилина (Рахилина 1991), подобный предикат не является внешним по отношению к имени, а наоборот, включается в толкование последнего и описывает стандартный способ использования соответствующего объекта.

Действительно, “орех в некотором смысле предназначен, чтобы его раскалывали (и ели)” (Рахилина 1991:27), поэтому и свойства орехов, такие как крепость или твердость, связаны с особенностями типового функционирования объектов этого типа.

Очевидно, что это “типовое функционирование” будет различным для разных типов объектов: первые будут проверяться на прочность и тем самым подвергаться интенсивным воздействиям, другие будут деформироваться и тем самым демонстрировать непостоянство своей формы, третьи будут подниматься и перемещаться, обнаруживая при этом свой вес, пятые будут оцениваться с точки зрения формы и соответствия ее каноническим объектам, у шестых путем ощупывания будут исследоваться свойства поверхности и т.д. Другими словами, все существенные характеристики и свойства объектов будут выявлены при их типовом использовании. При этом важно, что во всех указанных случаях объекты подвергаются некоторому воздействию, т.е. выполняют в ситуации пациентную роль – роль объекта воздействия. И качества, которые они обнаруживают при этом, тоже пациентны, поскольку проявляются, так сказать, не активно, а при особом воздействии на объект, ср.: *прочный, твердый, ясный, легкий, гладкий, пухлый, плоский* и др.

Но среди объектов найдутся такие, которые будут обнаруживать свое качество, активно воздействуя на наблюдателя, и признаки таких объектов тоже будут агентивны. Таковы,

например, *громкий, яркий, острый, жесткий, резкий* и др

Теперь становится понятным, каким же образом человек понимает, что объект обладает тем или иным качеством:

1. либо объект сам воздействует на органы чувств и проявляет свое свойство активным путем, а человек выполняет роль пассивного наблюдателя (или адресата этого воздействия),
2. либо объект подвергается особому воздействию со стороны человека и обнаруживает свое качество вынужденно, пассивно, а человек в этой ситуации является субъектом воздействия.

Отступление.

Эти выводы вполне согласуются с данными современной психологии, различающей активный и пассивный виды восприятия (active / passive touch). Если при пассивном (тактильном) восприятии основным рецептором ощущений является наша кожа, то при активном восприятии стимулируются также суставы и сухожилия (об этом см. Kruger, Kats 1970). При таком способе восприятия мы непосредственно взаимодействуем с объектом и получаем значительно больший объем информации о нем, чем при пассивном восприятии. Действительно, семантическое поле пациентных признаков представлено гораздо большим числом лексических единиц, чем агентивных.

Таким образом, предикцируя объекту некоторый признак, имя прилагательное, подобно глаголу, описывает некоторую ситуацию с определенным набором актантов, среди которых выделяются роли характеризуемого предмета и наблюдателя (говорящего). Соотношение этих ролей - чисто семантическое и не имеет никакого поверхностного выражения (как, например, падежи у актантов глагола). У агентивных признаков субъектом воздействия (или агенсом) является сам предмет, а наблюдатель выполняет роль пациенса. В случае пациентного признака, наблюдатель, наоборот, является агенсом, т.е. субъектом воздействия на предмет, последнему отводится роль пассивного участника ситуации.

Эта “модель управления” прилагательных позволяет наглядным образом представить механизм семантической деривации, при котором каждый из актантов меняет свою категорию (метафоризируется), но сохраняет за собой ту же самую роль в ситуации. Поэтому *твердое решение* или *твердые знания* по аналогии с *твердой глиной* будут описывать ситуацию, в которой характеризуемый объект подвергается некоторому воздействию (пусть и нефизической природы), а *жесткий диван* или *мягкий климат*, наоборот, будут сами воздействовать на человека.

Литература:

Арутюнова 1979 - Арутюнова Н.Д. Языковая метафора: синтаксис и лексика // Лингвистика и поэтика. М., 1979.

Курилович 1962 – Курилович Е. Заметки о значении слова. // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Падучева 1999 - Падучева Е.В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола НАЗНАЧИТЬ // Типология и теория языка (сборник к 60-летию А.Е.Кибрика). М., 1999.

Перцов 1996 – Перцов Н.В. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики. // Московский лингвистический альманах. Вып.1., 1996.

Плунгян, Рахилина 1996 – Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Полисемия служебных слов: *через* и *сквозь*. // Русистика сегодня, 1996, №3.

Рахилина 1991 – Рахилина Е.В. Прилагательные сквозь призму существительных и vice versa. // НТИ, сер.2, 1991, №9.

Шмелев 1964 – Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

Kruger, Katz 1970 – Kruger L.M., Katz D. Der Aufbau Der Tastwelt: A synopsis // Perception and Psychophysics. 1970. 7.

Vendler 1967 – Vendler Z. The grammar of goodness. // Z. Vendler Linguistics in philosophy. Ithaca, 1967. [русс. пер. в сб. Новое в зарубежной лингвистике, вып. X, 1981.]

[1] Проблема изолированных значений слова и употреблений, не зафиксированных в словарных статьях, обсуждается в Перцов 1996.

[2] Однако механизм полисемии работает не только в области лексической семантики, где описывается значение однозначной лексики (существительных, глаголов, наречий). Значение предлогов, падежей и других грамматических модификаторов тоже строятся по этому принципу. Кроме того, недостатки инвариантного и списочного подхода становятся наиболее заметны именно в сфере грамматики.

[3] Ср. здесь представление семантической системы языка в виде сети, отражающей в том числе и иерархию на множестве значений лексических единиц в Курилович 1962.

[4] Интересно, что то же самое качество хлеба воспринимается исключительно на ощупь.

[5] Обычно слуховые и зрительные ощущения такого типа описываются прилагательным *резкий* (*резкий свет в глаза, резкие краски, резкий голос, звук*), ср., однако, следующий пример: Дрозд пел довольно приятно и тихо, чего нельзя было ожидать по его *жесткому крику*, похожему на какое-то трещание... (Аксаков).

[6] Само понятие осязания не слишком удачно, поскольку предполагает пассивное восприятие (как обоняние). Мы будем использовать этот термин в более широком значении: осязать '=сознательно приходить в соприкосновение' – в этом случае воспринимающий человек занимает более активную позицию по отношению к объекту, воздействует на него (трогает, деформирует, поднимает и т.д.).

[7] Противопоставление агентивных и неагентивных признаков намечено в Рахилина 1991:27-28. Агентивные признаки характеризуют потенциальную успешность действия, которое выполняется с помощью определяемого объекта: острый нож – который, если режет, то хорошо (быстро, легко). Общая схема толкования пациентного признака А: 'если на объект в процессе функционирования воздействовать определенным образом, то он проявит свойство А'.